

НАУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ЭКОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

SCIENTIFIC EXPEDITIONS IN AN ECOLOGICAL-HISTORICAL CONTEXT

DOI 10.26105/SSPU.2023.87.6.010

УДК 94:910.2(571.122)"1883/1885"

ББК 63.3(253.3)52-8

О.А. МИЛЕВСКИЙ **ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КЛЕМЕНЦ –
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РЕЧНЫХ СИСТЕМ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ЭКСПЕДИЦИЙ 1883–1885 ГГ.)**

O.A. MILEVSKY **DMITRY ALEKSANDROVICH KLEMENTS –
EXPLORER OF RIVER SYSTEMS
IN WESTERN SIBERIA
(BASED ON THE MATERIALS
OF THE EXPEDITIONS OF 1883–1885)**

В статье рассматривается экспедиционная деятельность Д.А. Клеменца в 1883–1885 гг., направленная на изучение речных систем ряда крупных западносибирских рек. Важным его достижением стало тщательное картографирование изучаемых им речных систем, благодаря чему были внесены уточнения в существующие ранее карты. На основе его писем-сообщений из экспедиций, а также опубликованных отчетов, устанавливается, что Д. Клеменц смог совершить несколько серьезных научных открытий, в частности установил старое русло реки Енисей, нашел и описал истоки реки Абакан.

The article deals with the expedition activity of D.A. Klements in 1883–1885, aimed at studying the river systems of a number of large West Siberian rivers. His major achievement was a thorough mapping of the river systems he studied, which clarified the existing maps. On the basis of his letters, messages from his expeditions, as well as published reports, it is established that D. Klements was able to make several serious scientific discoveries in particular, he established the old riverbed of the Yenisey River, found and described the sources of the Abakan River.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Западная Сибирь, Западносибирский отдел императорского русского географического общества, речные системы, путешествия, география, картографирование.

KEY WORDS. Western Siberia, West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society, river systems, travels, geography, mapping.

ВВЕДЕНИЕ. История изучения Сибири, этой «ледяной» российской твердыни, каковой ее считали еще в XIX в., изобилует яркими именами ученых и путешественников. Немалый вклад в ее исследование внесли и политические ссыльные, начиная с декабристов и заканчивая позднейшими поколениями революционеров. Если декабристы в течение трех десятков лет преимущественно оказывали культурно-просветительское влияние на жизнь этой огромной территории, то их последователи, заброшенные в са-

мые отдаленные северные участки Сибири, немало сделали и для ее географического изучения. В этом ряду имя революционера-народника Д.А. Клеменца стоит на одном из ведущих мест.

Д. Клеменц в 1881 г. был административно сослан в Якутскую область на 5 лет, но по дороге к месту ссылки заболел и остался в Красноярской пересыльной тюрьме. В результате, по решению генерал-губернатора Восточной Сибири, место ссылки ему изменили на Енисейскую губернию. 23 декабря 1882 г. принимается решение об отправке его в Минусинск [9, с. 234], куда он и прибыл 26 января 1883 г [3, Л.13].

Так начался сибирский период его жизни, растянувшийся на 15 лет и посвященный в основном изучению разных мест Западной и Восточной Сибири, а также Монголии. В этих его научных занятиях географические исследования, наряду с археологическими, играли ключевую роль. Более того, деятельность Д. Клеменца на научной ниве стала настоящей путеводной звездой и примером для других представителей политической ссылки, а некоторых в дальнейшем буквально «катапультировала» в большую науку. Эту особую роль Д. Клеменца признавал, например, тот же Л.Г. Дейч. Он очень точно подметил, что «Клеменц в девяностых годах открыл многим из нас новое, к тому же дозволенное правительством поприще и тем вообще пробил брешь в установленном над нами режиме. Поэтому очень скоро местное население, не исключая и самых разнообразных начальствующих лиц, единогласно признало, что и «новая формация ссыльных» также внесла свою лепту в дело просвещения обширнейшего края, Клеменцу в этом, конечно, принадлежит наиболее почетное место» [4, с. 25].

Так, участник организованной при помощи Д. Клеменца «Сибиряковской экспедиции» (1894–1896 гг.) и впоследствии известный этнограф Н.А. Виташевский всегда с теплом говорил о роли Клеменца в собственной судьбе, отмечая большую роль, которую последний сыграл в формировании его как исследователя. Он отзывался о нем как о своем учителе, олицетворявшим для него идеал ученого и человека [21, Л.13–15]. Как географу Д. Клеменцу отдавали дань уважения и его маститые современники, так, хорошо его знавший и считавший себя его учеником В.А. Обручев отмечал, что «среди путешественников-исследователей материка Азии Д.А. Клеменц по праву занимает видное место» [18, с. 34].

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ. О научной деятельности Д. Клеменца — путешественника и исследователя, конечно, существует определенная научная литература [23; 2; 24; 10; 9], но его послереволюционная жизнь была настолько многогранна, что многие ее пласты до сих пор требуют дополнительного внимания ученых, как гуманитариев, так и естественников. Посвятив весь свой период сибирской жизни изучению этого огромного края, Д. Клеменц во время своих многочисленных экспедиций не оставлял без внимания и речные системы. Он изучал водные артерии Сибири комплексно, занимаясь не только их топографией, картографированием, гидрологией, но и уделяя внимание определению их хозяйственно-экономического и даже геостратегического значения. К сожалению, до настоящего времени специально на эти вопросы исследователи внимания не обращали.

В этой связи **ЦЕЛЬЮ** данной статьи является изучение экспедиционного наследия Д.А. Клеменца 1883–1885 гг. как исследователя западносибирских рек.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Как уже указывалось выше, оказавшись в начале 1883 г. в ссылке в Минусинске, Д. Клеменц не склонился перед обстоятельствами. Всегда испытывая интерес к естественнонаучной деятельности, а еще в эмиграции Швейцарии он был дружен с таким светилом географии, как Э. Реклю, он и в ссылке решил заняться научными изысканиями. В Минусинске он нашел в этом полную поддержку у основателя местного краеведческого музея провизора Н.М. Мартыанова. Авторитет и поддержка последнего в немалой степени и помогли Д. Клеменцу обрести большую свободу передвижения и посвятить себя экспедиционным занятиям.

Началось все уже летом 1883 г., когда Д. Клеменц оказался включенным по протекции Н. Мартьянова в состав экспедиции, основанной на средства Западносибирского отдела императорского русского географического общества (далее ЗСОИРГО–О.М.) томским исследователем А.В. Адриановым. В круг исследований входило «определение истоков реки Томь, изучение высочайшей снежной горы в Кузнецком округе — Мустага, также выход к водоразделу рек Абакана и Мрассы с целью решения вопроса, не обитал ли тут первобытный человек; собирание этнографического материала, сказок, легенд, сведений о шаманстве; раскопка могил; фотографические снимки типов и видов» [5, с. 18].

Сам Адрианов впоследствии так оценивал роль Клеменца в этой экспедиции: «В 1883 г. узнав о моем снаряжении в экспедицию на Алтай и за Саяны, он выразил желание принять в ней участие и, получив мое согласие, так деятельно принялся готовиться, штудировать сочинения на разных языках об этом районе, что положительно стал, я готов в этом признаться, головой и душой экспедиции» [1, с. 110].

Как видно из предложенного плана, значительное место в экспедиции как раз занимал вопрос об изучении речных бассейнов (их картографирование, описание и т.д.). Свое летнее движение участники экспедиции и начали, двигаясь из Минусинска по долине реки Абакан, далее они перебрались на реку Немир, где окончательно снарядились и наняли людей. Потом их маршрут лежал по водной системе реки Нени до горы Кырлыган, высшей точки Кузнецкого Алатау. Оттуда путешественники спустились прямо к истокам реки Томи и следовали ее долиной вплоть до впадения в нее слева реки Балыксы.

В устье Балыксы экспедиция разделилась. По свидетельству Д. Клеменца, это «разделение произошло 13 июля 1883 г. около устья речки Балыксы, впадающей слева в Томь, на так называемом Пермикинском зимовье. А. Адрианов далее отправился заранее намеченным маршрутом на реку Мрассу, а Д. Клеменц новым — по реке Шор-су на Таштып, оттуда на Абаканский завод и на прииски по правым притокам Абакана, далее на реки Магазу и Матур, опять через Таштып на Аскиз и Узунжол и обратно в Минусинск» [17, с. 11]. Этим неизведанным курсом Д. Клеменц шел с одним проводником. Попутно он проводил географические и геологические исследования и вел путевой дневник. По возможности с дороги он отправлял подробные письма-сообщения Н. Мартьянову, по которым вполне можно судить о его научной деятельности, в том числе они содержат и весьма интересные факты, связанные с изучением им речных систем, оказавшихся целью экспедиционных изысканий.

Так, описывая первую часть совместного путешествия, Д. Клеменц сообщал: «Вместе прошли с ним вершину (верховья — О.М.) Томи до устья Балыксы. Дорога была хоть и трудна, но очень интересна. Между прочим, оказалось, что сведения, сообщенные об этой местности у Риттера, не только не точны, но даже прямо неверны... Из геологических наблюдений могу сообщить, что нами констатировано сильное развитие старого кристаллического вонючего известняка на обоих берегах Томи на весьма значительном расстоянии. Нашел я их ... и на Шор-суке. По-моему, это довольно сильно изменяет существующие взгляды на геологическое строение местности» [11, л.1]. Таким образом, из этого весьма информативного сообщения видно, что путешественники, проведя картографирование местности, уточнили ранее существующие карты, выявили новые данные о течении Томи, провели геологические изыскания по берегам исследуемых рек [11, л.1].

В дальнейших своих сообщениях Д. Клеменц описывал уже вторую и фактически самостоятельную проведенную им часть экспедиции. В ней также немалое место он отводил изучению и описанию встречающихся ему рек. Так, он прошел до верховьев реки Есь [11, л.1об-2]. Далее, дойдя до Абаканского завода (ныне Абаза — О.М.), Д. Клеменц выехал вверх, к слиянию рек Большой Абакан и Малый Абакан, чтобы обратный путь пройти уже по реке. Во время сплава по Абакану на лодке он смог составить подробную карту этой части реки, исправив «неточности на карте Мейена, и внести коррективы в названия урочищ

на карте Шварца» [7, с. 25]. Впечатлениями о проделанном он поделился с Н. Мартьяновым, отмечая, что доволен итогами своей части экспедиции. Из этого же письма видно, что выявление истоков реки Абакан стало его научной мечтой. В частности, он пишет: «Я больше всего читал, изучал и собирал сведения о Мрассе и верхнем Абакане — и все это теперь останется втуне» [12, Л.1].

Уже в этой первой своей экспедиции Д. Клеменц проявил себя как ученый, способный не только работать в рамках заявленной научной программы, но и как исследователь, способный выходить за эти рамки. Уже в этом своем первом путешествии, исследуя реки, он не только занимается картографированием местности и чистой физической географией, но демонстрирует способность к широкому междисциплинарным, в частности социально-экономическим обобщениям. Так, в районе реки Матур и ее притоков он обратил внимание на целый ряд улусов, перемежавшихся с избами русских крестьян, и отметил, что «приволье лугов и пашен по Матуру не ускользнуло от зоркого глаза русского крестьянина... Осмотревши их лично впоследствии, я убедился что, здесь, где ныне обитает до 50 семей инородцев, легко нашлось бы место для нескольких сот семей переселенцев-земледельцев» [7, с. 21].

Экспедиция 1883 г. оказалась, несомненно, успешной и чрезвычайно продуктивной именно благодаря деятельности Д. Клеменца. Разделение экспедиции, несмотря на большой риск, принесло свои плоды: была охвачена куда более обширная территория и получено много дополнительной информации, в том числе касающейся имеющихся в регионе речных систем.

Летнее путешествие 1883 года стало судьбоносным для Д. Клеменца — оно в корне изменило его жизнь. В сентябре в Минусинске появился новый Д. Клеменц — географ и путешественник с большой буквы, о котором впоследствии С.Ф. Ольденбург напишет: «Дмитрий Александрович родился путешественником, путешественником Божьей Милостью» [19, с. 1].

Поэтому неудивительно, что сразу же по возвращении, еще обрабатывая материалы прошлой экспедиции, он начал мечтать о новой, теперь уже самостоятельной. Его следующей целью стало исследование речной системы Абакана с целью установления ее истоков. Об этих его планах можно узнать из его письма к А. Адрианову: «За экспедицию в верховья Абакана я готов ухватиться обеими руками. Своей пригодности делу я не судья, могу сказать только, что оно мне очень по душе. Двухсот рублей, я думаю, будет достаточно, тем более что добрые знакомые, вероятно, не оставят и на этот раз своею помощью меня. Я планирую так: уговорюсь с Борзовым (местный купец—О.М.) поехать вместе, но куплю лодку и найму на Матуре татарина (у меня есть такой на примете), знающего если не самые истоки, то верхние притоки Абакана. Заберемся насколько возможно высоко, а до вершины верст 20, оставив лодку, дойдем питаясь мясными консервами, чаем и чем бог пошлет... Сделать за эту поездку, мне кажется, можно будет следующее: снять глазомером по буссоли течение самого Абакана вверх от Матура... С вершины Большого Абакана до вершины Малого не пройдешь: лошадей с собой не будет, пешком идти — дело невозможное. Можно будет осмотреть Чирковое озеро и с окрестностей его, лежащих на водоразделах Большого и Малого Абакана, описать и заметить урочища и нанести на карту... Породы буду собирать, разумеется, со всякого «обрыва» — это самые непрехотливые коллекции. Вверх по реке пойдем на шестах и на бичеве, двигаться будем тихо, а потому должна бы быть возможность собрать и растения. Насчет рыб и птиц не знаю, что сказать...Мне кажется, все-таки главное горе будет с инструментами — достать их негде. Не будет ли у Вас свободна Ваша буссоль с диоптриями? ... Был бы в высшей степени желателен анероид, но если Вам не пришлют теперь предназначавшийся для прошлой экспедиции — взять его негде... Еще к Вам просьба — нельзя ли достать в Томске путешествие Чихачева ...В две недели я бы с ним как-нибудь справился, а почитать его нужно и для старого отчета, и для будущей поездки» [8, Л.170-170 об, 171].

Проект иначе как рискованным не назовешь, тем более что оснащение группы из-за вечной нехватки средств оставляло желать много лучшего. Но в таких условиях проходило большинство российских экспедиций того времени, а уж об организованных ссыльными и говорить не приходится. Невзирая на объективные трудности и большой риск, энтузиасты-исследователи не отказывались от своих планов, не благодаря, а вопреки стяжая славу отечественной науке. К числу таких первопроходцев принадлежал и Д. Клеменц. Можно только сожалеть, что достижения русских подвижников географической науки оставались, за редким исключением, неизвестными широкой публике, а в лучшем случае становились предметом гордости узкого круга специалистов. Во второй половине XIX в. на слуху были открытия в других частях света. Тогда русская пресса много писала о географическом «открытии Африки». Настоящими героями саванн и джунглей на страницах различных изданий представляли перед читателями британцы Дж. Спик и Р. Бертон, открывшие в 1858 г. озеро Танганьика, С. Бейкер, первым нанесший на карту в 1864 г. озеро Альберта, не говоря уже о легендарном Д. Ливингстоне, искавшем истоки Нила, исследовавшем бассейн реки Замбези и область Великих озер. И, конечно, удачливый, хотя и крайне жестокий американский журналист Г. Стенли, отправившийся на поиски экспедиции Д. Ливингстона и нашедший его в 1871 г.

Но почему-то за этими действительно великими географическими открытиями, правда, приведшими в дальнейшем к колониальным захватам, словно теряются как минимум равные по значимости научные подвиги российских исследователей гигантских просторов Сибири и внутренней Центральной Азии. А ведь в намного хуже снаряженных и обеспеченных, нежели западные, экспедициях ими было сделано немало для нанесения на карту ранее неизвестных районов страны, а риск путешествия по горам, рекам и непроходимой тайге был не менее высок, чем под палящим солнцем и тропическими дождями Африки.

Именно такой и должна была стать задуманная Д. Клеменцем экспедиция. А. Адрианов, оценивая ее масштаб, отмечал, что «Д. Клеменц рассчитывал посетить недоступный и не исследованный до сих пор уголок Алтая с водоразделом между вершинами Абакана, Мрассы (левого притока Томи) и Лебеда (правого притока Бии) и Телецким озером, куда я безуспешно пытался проникнуть в 1883 г. с верхней Мрассы» [1, с. 111].

В конце концов, одобрение и небольшое финансовое пособие от ЗСОИРГО Д. Клеменц получил, и можно было реально планировать экспедицию. Он намеревался провести ее тоже с политическим ссыльным, инженером-технологом А. Венцовским, взявшимся помогать по части топографического описания местности. Кроме того, в состав отряда, как это можно установить из писем Д. Клеменца, вошел и А. Иванчин-Писарев [13, Л.1]. Включение такого большого количества ссыльных оказалось возможным в том числе и благодаря содействию минусинского исправника, на это есть прямое указание в письме Д. Клеменца от 4 июня 1884 г.

В экспедиционных целях Д. Клеменц решил использовать благоприятную ситуацию (как потом выяснится, это, возможно, была его ошибка) и присоединился к предприятию золотопромышленника Должникова, который также следовал в верховья Абакана. Как уточнял в письме Д. Клеменц: «Снарядились мы на четырех вьючных, поедет с нами двое татар и двое казаков промышлять» [13, Л.1]. Некоторые сложности при подготовке экспедиции возникли из-за дороговизны, Д. Клеменц сетовал, что «очень, очень дороги перевозочные средства», за трех вьючных лошадей пришлось отдать 50 рублей [13, Л.1].

От Минусинска до Таштыпа шли безостановочно, затем экскурсировали в бассейне реки Таштып, собирая геологическую и ботаническую коллекции. В начале маршрута Дмитрий Александрович работал, преодолевая нездоровье, чувствовал он себя неважно, жалуясь на боли в желчном пузыре. Но планов своих менять не собирался: «Если буду здоров, то как-нибудь доберусь до вершины Абакана», — писал он Н. Мартьянову [13, Л.1].

И опять стоит обратить внимание на то обстоятельство, что Д. Клеменц не только описывал и картографировал речные системы, но рассматривал реки, как серьезный фактор, влиявший на социально-экономическое благополучие и безопасность жителей живших по их берегам. Так, наблюдая в районе Таштыпа волнения среди местных скотоводов, Д. Клеменц в процитированном выше письме Н. Мартьянову просил его проинформировать исправника о конфликтной ситуации, возникшей между местными и пришлыми скотоводами: «Если увидите исправника, передайте ему от моего имени следующее: вместо спасибо за его содействие экспедиции я считаю должным сообщить ему кое-что о том, что опасность здесь. Таштыпское население крайне возбуждено тем, что Бийские и Кузнецкие скотогоны стоят со своим скотом на Матуре. Матур впадает в Абакан — боятся, что чумная зараза по воде попадет в Монок и Арбаты, а от Матурских татар к Сейским» [13, Л.2].

Далее экспедиция должна была идти через Сею в долину р. Мрассы и по левым притокам Абакана на водораздел этой реки и Мрассы, далее к верховьям Абакана и, наконец, на Телецкое озеро, чтобы сомкнуть свой маршрут с маршрутом путешествия П.А. Чихачева 1844 г. Но путешествие оказалось слишком трудным для товарищей Д. Клеменца. Дойдя 1 июля до речки Слюдянки, левого притока Абакана, его спутники решили повернуть назад [18, с. 4]. Сам же Д. Клеменц решил продолжить маршрут, несмотря на большой риск. Он пошел дальше один, лишь с двумя проводниками-татарами. Ему удастся дойти до «подножия хребта Джолинь, водораздела между Абаканом, Мрассой и Лебедью» [1, с. 111].

Сохранилось крайне интересное письмо Д. Клеменца Н. Мартьянову, позволяющее воссоздать детали тяжелейшей экспедиции и дающее ценный материал для современных историков географической науки. Вот как описывал события Д. Клеменц: «Вам известно, конечно, что от Слюдянки в вершины Абакана пошел я один и в неделю дошел до разделений Абакана на 2 (а не на 3, как это рассказывают) ключа, из которых один делится в свою очередь на 2, другой на три вершины, из которых оба берут начала из озер, у подножия двух высочайших массивов Саянского хребта. Я, отправляясь, рассчитывал прожить в этом месте с неделю и обследовать загадочный уголок, но дорогой случилось несчастье, которое могло привести к очень трудным последствиям — при переправе через Абакан у меня утонули и подмокли все съестные припасы — это было за два дня до достижения дальней точки пути. Удалось спасти немного сухарей и мяса, но и спасенное гнило, покрываясь грибами на дожде, от которого некуда было укрыться. После этой катастрофы я еще два дня шел вперед. Чем питались — не спрашивайте! Полдня я употребил на осмотр хребта в вершине Абакана и вернулся. Каких-нибудь верст 6 хребтов и утесов разделили меня от стоянки Чихачева над озером, откуда он чертил свою карту Абакана. Я сделал то же что и он — нанес на карту вершины Абакана и повернул обратно. Велика была наша радость, когда мы на обратном пути добрались до того места, где на всякий случай был оставлен запас сухарей. На обратном пути я, вопреки всем возражениям татар, прихватил немного Малого Абакана и отправился на Большой Кызас» [16, Л.1].

Этот фрагмент письма — превосходная характеристика исследователя! Желание во всем дойти до сути, до первооснов побеждает в нем чувство опасности. Ради установления истины Д. Клеменц готов рисковать жизнью, а это удел настоящих подвижников, тех, кто для достижения научной цели ставит эксперименты на себе или, зная, что может не вернуться из путешествия, все равно идет вперед до конца.

Даже неоконченная экспедиция дала огромный географический материал, ведь она проходила по практически неизведанным местам верховьев Абакана и Алтая. На обратном пути, после возвращения с верховий Абакана, как явствовало из очередного письма к Н. Мартьянову, он, по предложению золотопромышленника и по совместительству археолога Н. Кузнецова, решил продолжить совместно с ним исследования притоков Абакана. Вот, что он планировал сделать: «Николай Кузнецов, предложил мне ехать на вершину

Аны (приток Абакана — О.М.) и жертвует на это дело 80 рублей, сухари и прочие припасы» [16, Л.1об].

Свою задачу Д. Клеменц в своем письме Н. Мартьянову от 6 августа 1884 г. формулировал так: «Я решил воспользоваться предложением Кузнецова и поеду с ним на Ану, какой бы там ни был все-таки, кое-какой материал соберу и дополнительно сведения о восточном Абакане» [14, Л.1]. В письме также содержалась просьба в случае не присылки денег одолжить ему 30 рублей для оплаты лошадей, долг Д. Клеменц обещал «уплатить хотя бы из пособия», а в последних строчках прибавлял: «...устал я порядком — если бы не сознание долга, по доброй воле я не поехал бы. Вижу, что буду сильно нуждаться в снисхождении при оценке моих работ» [14, Л.1об].

Как видим, Д. Клеменц оценивал экспедицию 1884 г. довольно критически, хотя на обратном пути ему крупно повезло. Проезжая от села Аскизского правым берегом Абакана, Д. Клеменц обнаружил в Абаканской степи совершенно обнаженные полосы речной гальки с преобладанием метаморфических и изверженных пород, отсутствовавших на Абакане, ниже устья Тапштыпа. Он внимательнейшим образом изучил необычный рельеф и сопоставил увиденное с рассказом Н. Мартьянова о том, что по дороге между деревнями Сабинской и Означенной (ныне город Саяногорск — О.М.), лежащими у предгорий Саян, «встретил широкую равнину, имевшую форму старого русла, усыпанную галькой и уходившую к северо-западу, по— видимому, к Абакану» [7, с. 2]. Д. Клеменц выдвинул блестящую научную гипотезу о том, что это «старое русло Енисея, направленное на северо-запад к Абакану, выше гор Изыха» [18, с. 4.].

По возвращении в 1885 г. он в газете «Сибирь» в № 20, 22, 42, 43, 51 и в 1886 г. № 10. опубликовал цикл очерков, объединенных общим названием «Дикий Алтай». Очерки, написанные по итогам наблюдений из экспедиции 1884 г. в верховья Абакана, содержат массу интересных и подробных географических и этнографических сведений об этих тогда совершенно неисследованных местах.

Весна 1885 г. принесла Д. Клеменцу новые экспедиционные хлопоты. Фигурально выражаясь, с наступлением теплых месяцев и появлением первой зелени Д. Клеменца охватывал тот могучий порыв к движению, к воле, о котором бывалые уголовные каторжане говорили: «Генерал, тайга зовет!». В мае 1885 г. он совместно с купцом Г. Сафьяновым совершил поездку в Западные Саяны и тогда мало исследованный Урянхайский край. От Абаканского завода путешественники направились вверх по реке Чахан к перевалу Шабин-дабан в Саянах, трехдневный переход через перевал получился очень тяжелым из-за плохой погоды и лежавшего там снега.

Далее, спустившись в долину реки Кантегир, они вверх по реке Тосла, притоку Кантегира, поднялись на вторую цепь Саян, носящую название хребет Сойотский, и перевалили в долину реки Ишкем, впадающей в реку Хемчик. Затем они перешли через третий хребет и по речке Манжурек спустились до реки Ак-Кем, а перейдя последнюю вброд, добрались до реки Хемчик, переправились через нее на плоту и достигли фактории Г.П. Сафьянова [18, с. 5]. Центральной у Г. Сафьянова считалась фактория Салдам на Улуг-Хеме (так называется Енисей в Тыве), кроме этой, у него были еще четыре: две в долине реки Хемчик и две на вершине Большого Енисея (Бий-Хема) [22, с. 42].

На факториях находились добротные дом, хозяйственные постройки, хранилища для товаров, запасы продуктов и т. д. С одной из факторий на реке Хемчик Д. Клеменц в течение двух недель и совершал экскурсии в верхней части бассейна Хемчика до слияния с рек Чу, берущей начало на перевале Чапчал в хребте Танну-ола.

Обратный путь пролегал вверх по реке Ак-Кем, откуда путешественники перевалили через Западные Саяны к верховьям реки Аны, впадающей в Абакан, на ней, как известно, Д. Клеменц был в прошлом году с Н. Кузнецовым. Но так как проехать по Ане вниз можно

только зимой, то путешественники повернули на северо-восток вдоль Саян. На этом пути их поджидали настоящие приключения. Два проводника-сойота попытались их ограбить, но увидев перед собой людей не робкого десятка и получив отпор, бежали, бросив русских одних в тайге. Однако и здесь присутствие духа не изменило Д. Клеменцу, как он сам рассказывал: «Он не унывал и только сэкономил с жадностью Плюшкина спички» [20, с. 46].

В столь сложной, если не сказать трагической ситуации, путешественники по компасу, солнцу, звездам и ветвям сосен и елей вышли из глухой тайги к реке Абакан, а уж оттуда спустились вниз по реке до Минусинска [17, с. 12]. Фактически Д. Клеменц вслед за Г. Потаниным и А. Адриановым, посетившим Урянхай в 1881 г., стал одним из пионеров в научном изучении этого тогда таинственного и удаленного края. Более того, в этом путешествии он, пожалуй, первым из путешественников серьезно исследовал реку Хемчик и ее притоки.

Экстремальный поход даже мысленно не заставил Д. Клеменца изменить дальнейшие планы, в которые входила проверка его гипотезы о старом русле Енисея. Во второй половине лета он совершил две поездки из Минусинска по Абаканской степи до Енисея у деревни Означенной и подножия Саян у села Бейского и собрал немало данных в подтверждение осевшей его догадки.

В своем отчете он так написал об этом: «Летом, в июле 1885 г., я вместе с Н. Мартьяновым, посетил деревню Означенную и поднимался на гору Итем с целью собрать материалы для петрографической карты Минусинского округа, в области Саянского хребта. Во время экскурсии с гор нам удалось осмотреть всю степь до Абакана. Мы заметили, что на параллели деревни Огур ее пересекает невысокий хребет, но в одном месте, где находится предполагаемое нами русло, он неожиданно понижается и переходит в равнину» [7, с. 5].

Пытаясь разрешить эту загадку, Д. Клеменц проехал степью по бездорожью от деревни Означенной до перевоза на Енисее, напротив Минусинска. Он собрал много новых данных в пользу его теории о том, что Енисей ранее действительно протекал от деревни Означенной на северо-запад, а затем, слившись с Абаканом ниже устья реки Беи, направлялся на северо-восток левее гор Изыха к своему современному руслу. В дальнейшем Н. Козьмин писал в 1914 г.: «Гидротехнические изыскания и нивелировки последнего пятилетия дали богатый материал, подтверждающий правильность высказанного Клеменцем предположения» [6, с. 278].

ВЫВОДЫ. Экспедиции Д. Клеменца 1883–1885 гг., в рамках которых он исследовал, главным образом район юго-западной части Минусинского округа до бассейна реки Томь, южную часть Кузнецкого Алатау, а также район реки Хемчик в Урянхайском крае дали ценнейшую информацию для географической и геологической характеристики этих обширных и тогда малоизученных мест. Огромное значение для географической науки имели и проводимые им во время этих экспедиций исследования речных систем этого региона, а также их картографирование. Материалы, частично опубликованные в «Записках ЗСОИРГО», привлекли внимание маститых ученых к личности Д. Клеменца. В частности, на геологические данные, впервые введенные в научный оборот Д. Клеменцем, опирался известный европейский ученый, австриец Э. Зюсс, готовивший к изданию капитальный труд «Лик Земли» (Вена, 1901 г.) [24, с. 75].

ЛИТЕРАТУРА

1. Адрианов А.В. Памяти супругов Клеменц // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Т. XLV. 1916. Иркутск: Тп-я К.И. Витковского, 1917. С. 103–124.
2. Гольдфарб С.И. Д.А. Клеменц — революционер, ученый, публицист. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1986. 176 с.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 63. Ед. хр. 1781.

4. Дейч Л.Г. Дмитрий Александрович Клеменц. Пг.: Госиздат, 1921. 40 с.
5. Дзвлет М.А. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово: Кузбассвуиздат 2004. 68 с.
6. Козьмин Н.Н. Избранные труды. Абакан: Журналист, 2010. 311 с.
7. Материалы, собранные Д.А. Клеменцом при экскурсиях в Верхний Абакан в 1883 и 1884 гг. Омск: Тип-я Окружного штаба, 1890. 145 с.
8. Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (МАЭС ТГУ). Фонд А.В. Адрианова. Папка 11.
9. Милевский О.А. Рождение путешественника: географические исследования Д.А. Клеменца в Минусинской ссылке (1882–1886) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 2. 2017. С. 100–108.
10. Милевский О.А., Панченко А.Б. «Беспокойный Клеменц». Опыт интеллектуальной биографии. М., 2017. 695 с.
11. Минусинский краеведческий музей основной фонд (МКМ ОФ). № 10566/2.
12. МКМ ОФ. № 10566/3.
13. МКМ ОФ. № 10614 /4.
14. МКМ ОФ. № 10614/6.
15. МКМ ОФ. № 10566/2.
16. МКМ ОФ. № 10614/5.
17. Обручев В.А. Д.А. Клеменц, П.П. Семенов-Тяньшанский и Ф.Н. Чернышев как исследователи Азии // Записки Геологического отдела общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1914–1915. Вып. III. СПб., 1915. С. 1–7.
18. Обручев В.А. Обзор путешествий Д.А. Клеменца по внутренней Азии и их геологических и географических результатов // Известия Восточно-сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Т. XLV. 1916. Иркутск: Тип-я К.И. Витковского, 1917. С. 1–34.
19. Ольденбург С.Ф. Дмитрий Александрович и Елизавета Николаевна Клеменцы. In memoriam. Пг.: Тип-я В.Д. Смирнова, 1915. 4 с.
20. Попов И.И. Д.А. Клеменц. Его жизнь и деятельность // Клеменц Д.А. Из прошлого. Воспоминания. Л.: Колос, 1925. С. 7–66.
21. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 13.
22. Сафьянов И.Г. Тува в прошлом. Т. 2. Повесть о жизни. Гражданская война в Туве. М.: ТИГИ, 2012. 315 с.
23. Токарев С.А. Дмитрий Александрович Клеменц (1848–1914) // Отечественные экономико-географы XVIII–XX вв. М.: ГУПИ, 1957. С. 244–251.
24. Федорова В.И. Революционный народник, ученый и просветитель Д.А. Клеменц. Красноярск: Изд-во Красноярского ун— та. 1988. 176 с.

REFERENCES

1. Adrianov A.V. *Pamyati suprugov Klements* [Memory for spouses Klements] // *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva*. T. XLV. 1916. Irkutsk: Tr-ya K.I. Vitkovskogo, 1917. S. 103–124. (In Russian).
2. Gol`dfarb S.I. *D.A. Klements — revolyucioner, uchenyj, publicist* [D.A. Klements — revolutionary, scientist and publicist]. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo un-ta, 1986. 176 s. (In Russian).
3. *Gosudarstvennyj arxiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK)* [State Archive of Krasnoyarskogo kraya (GAKK)]. F. 595. Op.63. Ed. hr. 1781.
4. Dejch L.G. *Dmitrij Aleksandrovich Klements* [Dmitry Alexandrovich Klements]. Pg.: Gosizdat, 1921. 40 s. (In Russian).
5. Devlet M.A. *Aleksandr Vasilevich Adrianov (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Alexander Adrianov (150th anniversary of his birth)]. Кемерово: Kuzbassvuzizdat 2004. 68 s. (In Russian).

6. Kozmin N.N. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Abakan: Zhurnalist, 2010. 311 s. (In Russian).
7. *Materialy, sobrannye D.A. Klementsom pri ekskursiyakh v Verxnij Abakan v 1883 i 1884 gg.* [The materials collected by D.A Klements on excursions to Upper Abakan in 1883 and 1884]. Omsk: Tip-ya Okruzhnogo shtaba, 1890. 145 s. (In Russian).
8. *Muzej arxeologii i e`tnografii Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (MAES TGU)* [Museum of Archeology and Ethnography of Siberia, Tomsk State University (MAES TGU)]. Fond A.V. Adrianova. Papka 11. (In Russian).
9. Milevsky O.A. *Rozhdenie puteshestvennika: geograficheskie issledovaniya D.A. Klements v Minusinskoj ssylke (1882-1886)* [Traveller's birth: geographical researches of D.A. Klements in the Minusinsk exile (1882-1886)] // *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya*. № 2. 2017. S. 100-108. (In Russian).
10. Milevsky O.A., Panchenko A.B. «*Bespokojnyj Klements*». *Opyt intellektualnoj biografii* [«Restless Klements»: An Experience in Intellectual Biography]. M., 2017. 695 s. (In Russian).
11. *Minusinskij kraevedcheskij muzej osnovnoj fond (MKM OF)* [Minusinsk museum, main fund (MKM OF)]. № 10566/2.
12. MKM OF. № 10566/3.
13. MKM OF. № 10614 /4.
14. MKM OF. № 10614/6.
15. MKM OF. № 10566/2.
16. MKM OF. № 10614/5.
17. Obruchev V.A. *D.A. Klements, P.P. Semenov-Tyan`shanskij i F.N. Chernyshev kak issledovateli Azii* [D.A. Klements, P.P. Semenov-Tyanshansky and F.N. Chernyshev as the Asian researchers] // *Zapiski Geologicheskogo otdela obshhestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i etnografii*. 1914-1915. Vy`p. III. SPb., 1915. C. 1-7. (In Russian).
18. Obruchev V.A. *Obzor puteshestvij D.A. Klements po vnutrennej Azii i ix geologicheskix i geograficheskix rezultatov* [Overview of D. A. Clements trips in internal Asia and their geological and geographical results] // *Izvestiya Vostochno-sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva*. T.XLV. 1916. Irkutsk: Tip— ya K.I. Vitkovskogo, 1917. S.1-34. (In Russian).
19. *Ol`denburg S.F. Dmitrij Aleksandrovich i Elizaveta Nikolaevna Klements. In memoriam* [Dmitry Aleksandrovich and Elizaveta Nikolaevna Klements. In Memoriam]. Pg.: Tip-ya V.D. Smirnova, 1915. 4 s. (In Russian).
20. Popov I.I. *D.A. Klements. Ego zhizn` i deyatel`nost`* [Klements, his life and work] // *Klements D.A. Iz proshlogo. Vospominaniya*. L.: Kolos, 1925. S. 7-66. (In Russian).
21. *Rossijskij gosudarstvennyj arxiv literatury i iskusstva (RGALI)* [The Russian State Archive of Literature and Arts (RGALI)]. F.92. Op. 1. D. 13. (In Russian).
22. Safyanov I.G. *Tuva v proshlom* [Tuva in the past]. T. 2. *Povest` o zhizni. Grazhdanskaya vojna v Tuve*. M.: TIGI, 2012. 315 s. (In Russian).
23. Tokarev S.A. *Dmitrij Aleksandrovich Klements (1848-1914)* [Dmitry Alexandrovich Klements (1848-1914)] // *Otechestvennye ekonomiko-geografy XVIII-XX vv. M.: GUPI, 1957. S. 244-251. (In Russian).*
24. Fedorova V.I. *Revolucionnyj narodnik, uchenyj i prosvetitel` D.A. Klements* [The revolutionary, scientist and enlightener D.A Klements]. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo un-ta. 1988. 176 s. (In Russian).